

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ

Ким С.Г.	Историческая наука в Германии на перекрестках "новой гуманитарности"	5
Андреева Е.А.	"Новая историческая наука" Франции глазами французских историков	13
Дериглазова Л.В.	Участие антиядерного движения в формировании взглядов молодежи по вопросам войны и мира в США в 1980-е годы: мотивы, формы, достижения	21

ИСТОРИЯ

Удот С.Н.	Комплектование вооруженных сил в государствах Древнего мира	39
Жеравина О.А.	Роль координатора Хименеса де Сиснероса в истории университетского образования в Испании	46
Мауль В.Я.	Ритуальный символизм повстанческой казни в России (по материалам Пугачевского восстания)	53
Криницкая Г.С.	Особенности формирования Российского государства в исторической концепции Б.Н. Чичерина	63
Кисельникова Т.В.	Либеральный социализм (к истории вопроса)	71
Харусь О.А.	Культура как фактор социализации личности: опыт осмысления проблемы в теоретических построениях либеральной профессуры Томского университета начала XX века	77
Нам И.В.	Национальная программа Бунда: коррективы 1917 года	83
Наумова Н.И.	Из истории взаимоотношений колчаковской власти и башкирского национального движения (1918-1920 гг.)	90
Грик Н.А.	Советская политика цен и деревня в условиях нэпа (1921-1927 гг.)	98
Дмитрова Е.В.	О некоторых дипломатических усилиях Дж. Кеннана, Ф. Робертса и Н.В. Новикова в обстановке взвинчивания "холодной войны"	108
Лекаренко О.Г.	У. Черчилль и планы создания "европейской армии"	115
Лицарева Е.Ю.	Причины и сущность интеграционных процессов на европейском и азиатском континентах в конце XX века	120
Есипова В.А.		
Климкин В.М.	Письменный источник как предмет материальной культуры	129
Елизаров А.И.		

КРАЕВЕДЕНИЕ

Быков А.А.	Социальная защита детей в Сибири в XIX - начале XX века	133
Андрющенко Б.К.	Из истории торгового товарищества Второвых	137
Масленников А.В.	Римско-католическая церковь в Сибири. Проблемы и реформы в начале XX века	140
Гутак О.Я.	Золотопромышленность юга Западной Сибири в первой половине 1920-х гг.	147
Сосковец Л.И.	Приходское духовенство Западной Сибири в послевоенный период	153

Кулемзин В.М.	Игра в жизни и жизнь в игре	164
Андрющенко Б.К.	Винная монополия в Западной Сибири и организация казенной торговли	167

ПОТАНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Потанин Г.Н.	<О Н.Г. Чернышевском> (публикация и комментарии Н.В. Серебренникова)	171
Серебренников Н.В.	Проблема авторства и датировки воззваний об отделении Сибири от России	176
Адрианов А.А.	Из далекого прошлого (публикация В.М. Крюкова)	180
Васенькин Н.В.	Об одном томском адресе Г.Н. Потанина	183
Моравский В.И.	Автобиография (публикация Н.В. Моравского)	185

ИСТОРИЯ ТГУ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

Кузнецов М.С.	Кафедры общественных наук Томского государственного университета в 1981 - 1985 гг.	187
Жигалов Б.С.	40-летие кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета	192
Жеравина А.Н.	Из истории гимназического образования в Томске	195

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Майоров Н.И.	История древневосточных цивилизаций: специфика предмета и особенности его преподавания	205
Хазанов О.В.	(из опыта кафедры истории Древнего мира и средних веков исторического факультета ТГУ)	

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Станиславу Селиверстовичу Григорцевичу - 85 лет	208
Талант, помноженный на труд.	209
К 80-летию со дня рждения профессора кафедры истории и документоведения М.С. Кузнецова	211
Борису Степановичу Жигалову - 70 лет	

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Харусь О.А. Рецензия. Сибирское областничество: Биобиблиографический справочник	212
--	-----

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

2

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

2

О Б З О Р Ы

УДК 930.2

С. Г. Ким

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ГЕРМАНИИ
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ «НОВОЙ ГУМАНИТАРНОСТИ»**

В условиях активно протекающих процессов обновления гуманитарных наук предпринят опыт анализа предложенных исторической антропологией моделей осмысления прошлого, нацеленных на постижение механизмов функционирования «живого целого», а не просто на систематизацию его разрозненных фрагментов с помощью абстрактных конструкций.

Характеризуя механизмы процесса модернизации историографии ФРГ, нельзя не отметить отчетливый сдвиг в научных интересах «исторической гильдии» к *conditio humana*. Разговор идёт об анализе различных человеческих деяний и судеб с целью получения, путем использования более сложных методик, «аутентичного знания» о прошлом. Взгляд на историю «снизу» и «изнутри», ориентация на изучение условий жизни, склада ума и форм поведения отдельного человека были охарактеризованы прессой ФРГ как «зелёное» движение в исторической науке. С ним связывались её надежды как на достижение новых рубежей в познании, так и на обновление всей системы ценностей, что делает её опыт интересным и поучительным.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И ЕЁ «ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ»**

На просторах «новой гуманитарности» сформировалось сегодня множество версий «особого измерения» прошлого и осмысления его целостности. Их общим знаменателем стала неоспоримость того факта, что деятельность человека - это «способ бытия» исторической реальности. Действительно, человек постигает мир в формах своей собственной активности, а образы окружающих предметов сливаются для него с образами, построенными им самим. Его способность воплощать в жизнь свои намерения и достигать своих целей первоначально выступает составляющей его сознания и воли. Уже здесь проблема творческого начала бытия требовала нетривиальных подходов. По архивным документам историк мог филигранно реконструировать ход событий, их предысторию и последствия, восстановить экономические отношения в обществе и социальное расслоение, описать действующих в нем людей. Тем не менее, за скобками часто оставались их чувства и преимущественно те, которые не принесли никаких результатов. Скажем, учёными в достаточной степени были показаны связи крестьянских мятежей и городских восстаний с последствиями военных разрушений, с голодом или ростом налогов. Но вопрос о том, как такие материальные обстоятельства были опосредованы в сознании людей, вызывая те или иные поступки, зачастую оставался неразрешимым. Особенно ярко это проявлялось в тех случаях, когда возмущение выражалось в таких символических формах, как традиционные игры в «мир наоборот» во время средневековых мятежей и карнавалов [1. С. 9-58; 2. С. 166-185].

Не подвергалось сомнению также то, что в центре любого исследования поведения должен находиться действующий субъект, поскольку, как писал ещё М. Вебер, всякий поступок человека в обществе имеет «субъ-

ективный смысл». Одновременно немецкие учёные соглашались с тем, насколько сложной задачей является постижение этого смысла [3. С. 59]. Историки не раз убеждались в наличии значительной разницы между намерениями людей и их практическим осуществлением, между подлинными идеалами человека и его рассуждениями о них. Конечно, было разработано немало способов, чтобы преодолеть эти трудности при изучении деяний отдельных личностей в истории и получить адекватное объяснение их поступкам.

Ещё сложнее обстояло дело с анализом коллективного поведения. Особенно там, где действующими лицами являлись не члены небольшой группы людей с одинаковыми функциями или с их чётким распределением, а изолированные друг от друга люди, любой из которых думал и действовал самостоятельно. Здесь коллективная деятельность могла быть истолкована в форме наиболее типичных поступков и отношений, в силу чего казалось невозможным определить «субъективный смысл» групповых поступков, выслушав лишь одного из её членов. Историками всегда признавалось наличие коллективного сознания, которое в известной степени наслаивалось на сознание индивидуальное, создавая специфические виды мотивации поведения. Поэтому для того, чтобы адекватно проанализировать человеческие деяния в прошлом, необходимо было расценивать их по правилам не только индивидуальной, но и коллективной психологии. Более того, следовало всегда иметь в виду то, что психологическая конституция людей изменялась на протяжении времени в ходе, словами Робера Мандру, «бесшумных революций разума». Иначе говоря, задача учёного усматривалась здесь в поисках «ментальной материи», присущей различным слоям и группам определенной эпохи, в осмыслении их «духовного профиля» и матриц поведения.

В конечном счёте, антропологический поворот в историописании ознаменовал обретение учёными новых объектов анализа. Впрочем, дело было не столько в этих предметах самих по себе (тем более что некоторые из них изучались, пусть менее подробно, и раньше), сколько в постановке кардинально новых проблем. Одно из определений исторической антропологии гласило, что её предмет - это «человеческий резонанс» эволюции общественной системы, те модели поведения, которые она порождала или изменяла [4. С. 32-33]. В её рамках историки пришли к пониманию очевидной для этнологов и антропологов «непрозрачности» социальной реальности.